

въ неизвѣстное будущее. Даже буржуа, захваченные общимъ порывомъ, съ ликованіемъ смотрѣли, какъ открывался новый міръ. „Если нужна соціальная революція, — произведемъ ее: пусть все станетъ общимъ достояніемъ; мы готовы!“ Элементы революціи были на лицо: надо было употребить ихъ въ дѣло. Придя вечеромъ домой, я подумалъ: „Какъ человѣчество прекрасно! Его не знаютъ и всегда клеветаютъ на него!“ Потомъ наступили выборы, члены Коммуны были назначены, — и понемногу потухла сила самоотверженія и усердіе къ дѣлу. Каждый принялся за свою обычную работу, говоря: „Теперь у насъ есть честное правительство; предоставимъ ему поступать какъ оно хочетъ... Мы знаемъ, каковы были послѣдствія.

Народъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать самостоятельно, идти впереди, смѣло ринуться навстрѣчу новому порядку вещей, передалъ своимъ правителямъ право инициативы. Вотъ первое послѣдствіе — неизбѣжный результатъ выборовъ. Что же будутъ дѣлать эти правители, облеченные всеобщимъ довѣріемъ?

Никогда выборы не были такъ свободны, какъ въ мартѣ 1871 года. Даже враги Коммуны признали это. Никогда избиратели не были такъ проникнуты желаніемъ поставить у кормила правленія лучшихъ людей, людей будущаго, революціонеровъ. Такъ они и сдѣлали. Всѣ извѣстные революціонеры были избраны подавляющимъ большинствомъ; якобинцы, бланкисты, интернаціоналисты, всѣ три революціонныхъ фракціи имѣли своихъ представителей въ Совѣтѣ Коммуны. Выборы не могли дать лучшаго правительства.

Мы знаемъ, каковы были результаты. Запертые въ Городской Думѣ, обязанные дѣйствовать, придерживаясь формъ установленныхъ предшествовавшими правительствами, эти ярые революціонеры, эти реформаторы потеряли способность что-либо создать. Не смотря на ихъ страстное желаніе, на ихъ храбрость, они не сумѣли организовать даже защиту Парижа. Теперь въ этомъ обвиняютъ отдѣльныхъ личностей; но причина неудачи не въ нихъ, а въ самой системѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, собраніе, избранное при всеобщей подачѣ голосовъ, будетъ въ лучшемъ случаѣ состоять изъ представителей средняго уровня понятій, распространенныхъ въ данное время въ массахъ; но въ началѣ революціи эти представители не понимаютъ даже, что предстоитъ совершить и абсолютно не знаютъ, какъ взяться за дѣло. Ахъ, если бы большая часть націи или Коммуны могла до начала движенія сговориться и опредѣлить, что дѣлать, какъ только правительство будетъ низвергнуто! Если бы эта мечта кабинетныхъ утопистовъ могла бы быть осуществлена, у насъ никогда бы не было кровавыхъ революцій: когда желаніе большинства націи было бы опредѣленно высказанно, меньшинство добровольно подчинилось бы ему. Но на дѣлѣ выходитъ иначе. Революція разражается задолго до того, какъ можетъ быть установлено общее соглашеніе, и тѣ, которые понимаютъ, что надо дѣлать на другой день послѣ взрыва, составляютъ въ этотъ моментъ лишь незначительное меньшинство. Большая часть народа лишь въ общихъ чертахъ представляетъ себѣ ту цѣль, къ осуществленію которой она стремится, и не знаетъ, какіе пути ведутъ къ ея достиженію. Практическое рѣшеніе выяснится лишь въ тотъ моментъ, когда начнутся преобразованія: оно будетъ продуктомъ самой революціи, продуктомъ работы народа, или же оно будетъ — ничѣмъ, выдумкой отдѣльныхъ лицъ, абсолютно неспособныхъ найти то рѣшеніе, которое должно быть рождено жизнью самаго народа.

Это положеніе вещей неизбѣжно отражается на собраніи, избранномъ путемъ всеобщей подачи голосовъ, даже если оно не заражено пороками, присущими вообще всѣмъ представительнымъ правительствамъ. Представители революціонной идеи данной эпохи слишкомъ малочисленны и теряются среди представителей революціонныхъ школъ прошлаго и защитниковъ существующаго порядка вещей. Эти люди въ дни революціи должны быть среди народа, чтобъ широко распространять свои идеи, привести массы въ движеніе и уничтожить институты прошлаго; а между тѣмъ они сидятъ тутъ, прикованные къ залѣ Собраній, и ведутъ безконечные споры, стремясь вырвать уступки у умѣренныхъ и переубѣдить своихъ противниковъ, которыхъ только осуществленіе новой идеи можетъ обратить въ ея сторонниковъ. Правительство превращается въ парламентъ со всѣми недостатками буржуазныхъ парламентовъ. Это „революціонное“ правительство становится непреодолимымъ препятствіемъ для революціи и народъ, если онъ хочетъ перестать топтаться на мѣстѣ, долженъ отставить тѣхъ, которыхъ еще вчера онъ привѣтствовалъ, какъ своихъ избранныхъ. Но это уже не такъ легко. Новое правительство успѣло организовать цѣлую іерархію администраторовъ для расширенія своей власти и подчиненія себѣ народа, теперь оно уже добровольно не уступитъ своего мѣста.